

Бодрова Е. В. Нефтяная отрасль СССР в конце 1920-х — 1930-е годы: противоречивые результаты развития / Е. В. Бодрова, В. В. Калинов // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 314—327. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-314-327.

Бодрова, Е. В., Калинов, В. В. (2020). Oil Industry of USSR in Late 1920s— 1930s: Conflicting Development Results. *Nauchnyi dialog*, 7: 314-327. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-314-327. (In Russ.).

УДК 94(47).084.6:665.6

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-314-327

НЕФТЯНАЯ ОТРАСЛЬ СССР В КОНЦЕ 1920-х — 1930-Е ГОДЫ: ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВИТИЯ

© **Бодрова Елена Владимировна (2020)**, orcid.org/0000-0001-7889-3054, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «МИРЭА — Российский технологический университет» (Москва, Россия), evbodrova@mail.ru.

© **Калинов Вячеслав Викторович, orcid.org/0000-0002-9709-7720**, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина» (Москва, Россия), kafedra-i@yandex.ru.

Актуальность исследования обусловлена критической значимостью для страны осуществления технологического рывка, преодоления торможения модернизационных процессов. Новизна исследования видится в том, что на основе опубликованных и раскритикованных архивных документов исследуется проблема реализации планов развития нефтяной отрасли в годы первых пятилеток, выявляются факторы, определившие их невыполнение. В качестве основных причин невыполнения на основе результатов анализа документальных данных авторами установлены серьезные стратегические просчеты в планировании, ликвидация целой когорты блестящих нефтяников. Изученные документы и материалы позволили сформулировать вывод о том, что масштабные планы не были в полной мере подкреплены финансовыми, кадровыми, технологическими ресурсами. Доказано, что это обусловило диспропорции между ростом народного хозяйства и топливным балансом страны. Особое внимание уделяется допущенным серьезным просчетам советского правительства в отношении создания нефтяной базы на востоке страны. Доказано, что, несмотря на рекомендации видных ученых, лишь в конце 1930-х годов изменился курс, пришло осознание необходимости поиска и разработки новых месторождений в Урало-Поволжье. Сделан вывод о том, что в результате к 1941 году в достаточной мере освоить этот нефтеносный регион не удалось, но был заложен фундамент «Второго Баку».

Ключевые слова: пятилетки; форсированная индустриализация; план; нефтяная промышленность; «Второе Баку».

1. Введение

Поиски наиболее оптимальных механизмов, способных в настоящее время обеспечить осуществление технологического рывка, чрезвычайно актуализируют изучение форм и методов осуществления форсированной индустриализации в СССР, публикацию ранее недоступных исследователям документов и данных о результатах первых пятилеток, в том числе о развитии нефтяной отрасли.

Опубликованы работы, в которых рассмотрены отдельные сюжеты интересующей нас проблемы [см., например: Нефть СССР ..., 1987]. О весьма эффективном лоббировании интересов своей отрасли «угольной элитой» страны в исследуемый период пишет А. А. Иголкин [Иголкин, 2005a]. Из-за этого страдали интересы не только нефтяной отрасли, но и экономики и обороны страны в целом. В. Н. Курятников характеризует этап 1930—1950-х годов в истории нефтяной отрасли в качестве стартового в изменении правительственного курса, определившего форсированное увеличение добычи и переработки нефти, создание второй нефтяной базы, становление нефтеперерабатывающей промышленности [Курятников, 2008]. Ряд историков связывают высокие темпы советской индустриализации, а затем и послевоенного восстановления народного хозяйства, в частности, в нефтяной промышленности, с заимствованием западных научно-технических достижений. Однако исследования позволяют утверждать, что в этот период имелся весьма значительный потенциал и у советской отраслевой науки [Калинов, 2018, с. 73—87]. А. К. Соколов справедливо указывает на такой стратегический просчет предвоенных лет, как явно недостаточное внимание проблеме снабжения армии горюче-смазочными материалами [Соколов, 2013, с. 147—148].

Архивные документы, мемуары нефтяников, другие источники позволяют глубже и достовернее оценить итоги развития отрасли накануне Великой Отечественной войны, выявить факторы, определившие весьма, с нашей точки зрения, противоречивые результаты.

2. И. М. Губкин и А. П. Серебровский об угрозе кризиса в нефтяной промышленности и возможных путях его преодоления

1920-е годы в истории нефтяной промышленности характеризуются как период значительного роста: с 1922 по 1929 год нефтедобыча выросла на 194 % [Народное хозяйство ..., 1959, с. 204, 208]. Главными факторами подъема отрасли стали ее национализация, техническое перевооружение и работа блестящих специалистов-нефтяников. Первая пятилетка была завершена в 1932 году, но в США объемы нефтедобычи оказались

в 5 раз больше, чем в СССР, причем большая часть добытой нефти приходилась на старые месторождения Азербайджана [Нефть СССР ..., 1987, с. 175].

Специалисты отрасли настаивали в эти годы на необходимости ее реорганизации, дальнейшем техническом перевооружении и значении эксплуатационно-разведочного бурения, подчеркивая его роль в подготовке нефтяных фондов для эксплуатационного бурения. В частности, об этом говорилось в изученной нами в Российском государственном архиве социально-политической истории докладной записке, направленной в 1933 году в то время наиболее авторитетными специалистами-нефтяниками И. М. Губкиным и А. П. Серебровским наркому тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе [РГАСПИ, ф. 85, оп. 29, д. 610, лл. 1—20]. В документе перечислялись «громадные достижения» нефтяной промышленности в годы первой пятилетки, которые были обусловлены, по мнению авторов, прежде всего тем, что отрасль произвела в восстановительный период полную техническую реконструкцию, «американизовалась» и к выполнению пятилетки приступила на новой мощной технической основе [Там же, л. 1]. Широкое применение вращательного бурения позволяло бурить и скоро, и дешево. Новые методы эксплуатации, глубокие насосы, компрессоры и газлифт позволяли извлекать намеченное количество нефти, удешевляя себестоимость добавочного продукта. Но в качестве главного фактора успеха назывались к тому времени разведанные и подготовленные запасы, что позволяло быстро вводить в эксплуатацию новые скважины.

В восстановительный период и в первые годы пятилетки эксплуатационное бурение развивалось достаточно быстро, но явно отставало эксплуатационно-разведочное, задачей которого являлась подготовка к эксплуатации более глубоких горизонтов. Это отставание, наметившееся во второй половине второй пятилетки, вызывало справедливые опасения авторов [Там же, лл. 1—3]. В результате сложился разрыв между подготовленными запасами и эксплуатационными. По «Азнефти» в Ленинском районе подготовленные запасы обеспечивали бурение в 1933 году, частично — в 1934 году. Одновременно И. М. Губкин и А. П. Серебровский констатировали наличие перспективных запасов, свидетельствующих о колоссальных богатствах нефтяных недр страны. Так, в Бакинском районе общие запасы исчислялись в тот период в 1200—1300 млн т, но подготовленные запасы на 1 января 1932 года составляли лишь 33,5 млн т; разведанные — 100 млн т, видимые — 15,8 млн т. «Еще более безотрадная картина, — писали И. М. Губкин и А. П. Серебровский, — в Грозненском районе» [Там же, лл. 4—5, 6, 7]. Общие запасы там исчислялись 100 млн т, тогда как под-

готовленные запасы были совершенно незначительными. Разрыв между разведочно-эксплуатационным бурением и эксплуатационными работами стал признаком, характерным для всей нефтяной промышленности. На это «ненормальное явление» центральным органам управления предлагалось обратить особое внимание с целью его устранения [Там же, л. 6, 7].

Рассуждая о причинах сложившегося разрыва, Губкин и Серебровский писали, что к тому моменту Бакинские месторождения разрабатывались более 60 лет, верхние горизонты в большинстве случаев оказались уже выработанными. В Грозненском районе приходилось бурить уже на глубинах от 600 м до 900 м. На некоторых месторождениях Старо-Грозненского района (Соляная Балка) бурение велось на глубине до 1500—1700 м. Но с точки зрения технической глубокое и сверхглубокое бурение было, по оценке экспертов, не вполне освоено. Зачастую скважины глубиной более 1000 м становились аварийными. Это объяснялось отсутствием необходимого оборудования, надлежащей мощности станков, двигателей, дефицитом высококачественных труб, поломкой бурового инструмента, нехваткой квалифицированных кадров. Тем не менее задача глубокого бурения должна была стать, говорилось в докладной записке, «одной из актуальнейших задач данного момента» [Там же, л. 8].

Авторами предлагался и целый ряд конкретных путей ее решения: использование надлежащего оборудования, приспособленного для глубокого бурения, бурового инструмента, труб, станков, двигателей и т. д.; «овладение самим техническим процессом этого бурения»; полноценная подготовка кадров. Для этого предлагалось: «... наших инженеров командировать за границу, именно в Америку с тем, чтобы они освоили там процесс сверхглубокого бурения, который там применяется в ряде месторождений <...>, или пригласить соответствующим образом подготовленных и знающих глубокое и сверхглубокое бурение инженеров из Америки»; вовлечь в эксплуатацию завершенные малodeбитные скважины; восстановить так называемые «испорченные» по разным причинам скважины. Только по «Азнефти» их насчитывалось на тот момент около 700, в том числе и высокодебитных. По данным А. П. Серебровского, восстановленные скважины могли бы дать до 1,8 млн т нефти [Там же, лл. 8—9, 16—19].

Рассуждая о новых перспективных районах нефтедобычи на Кавказе, авторы отмечали «громадный промышленный интерес», который имели разведочные работы промышленного характера в «Грузнефти», где были получены хорошие результаты. Акцентировали они внимание и на значительном потенциале Урало-Эмбинского района, месторождений Туркмении и Средней Азии [Там же, л. 15].

Документ свидетельствовал о кризисном положении в отрасли. Ее потенциал, включающий научно-техническую часть, был исчерпан. В заключение И. М. Губкин и А. П. Серебровский предупреждали: «Эксплуатационное бурение 1933 года поглотит почти все нефтяные фонды, подготовленные разведочным эксплуатационным бурением предыдущих лет <...> Решается задача не только 1933 года, но решается задача по обеспечению добычи в первые годы второй пятилетки» [Там же, лл. 19—20].

3. Дефицит высококвалифицированных кадров в нефтяной промышленности

В ряду основных задач И. М. Губкиным и А. П. Серебровским называлась кадровая проблема, требовалось, по их мнению, использовать зарубежный опыт, направлять на промыслы наиболее квалифицированных специалистов. И, действительно, лучшие выпускники вузов направлялись за границу для дальнейшего обучения в магистратуре. Однако встречали вернувшихся в СССР специалистов на производстве очень по-разному. Об этом свидетельствует стенограмма совещания в Промышленном отделе ЦК партии 4 апреля 1935 года, посвященного анализу результатов подготовки инженеров, направленных в США для дальнейшего обучения. Все вернувшиеся после 2,5 лет учебы и защиты магистерской диссертации молодые специалисты были полны энтузиазма и готовы применить полученные знания на Родине. Но, выступая на совещании, они отмечали негативное отношение к ним со стороны администрации тех предприятий, куда были направлены. Так, например, молодой инженер Курганов, окончивший механический факультет Массачусетского института, был направлен на автозавод им. Сталина, где его и его товарищей приняли «нелюбезно»: «Нам не дают ни одной ответственной работы. Был я направлен в конструкторское бюро, а потом в технологическое бюро» [РГАСПИ, ф. 85, оп. 29, д. 647, лл. 1—2]. Это же подтверждал и выступавший на совещании инженер Рыбкин: «Отношение к нам очень плохое со стороны администрации. Например, директор завода т. Лихачев очень плохо относился к нам. Когда мы к нему пришли, он сказал, что надо с нас сбить заграничную спесь, когда заграничную спесь собьем, тогда можно будет видеть, что надо делать дальше <...> Мы хотим работать, а нас почему-то не используют так, как нужно» [Там же, л. 13, 14].

Представляет интерес, что, сравнивая на этом совещании инженерную подготовку в американских и советских вузах, выпускники говорили о таких особенностях, как значительно меньший объем получаемых там знаний, низкий уровень фундаментальной подготовки. Отмечали они уско-

ренное прохождение ряда дисциплин [Там же, л. 8]. Общее впечатление выступавших сводилось к следующему: «У них вопрос <...> дисциплины и распорядка часто превалирует над той суммой знаний, которую они дают. Но уже по тому минимуму знаний, который они дают, они требуют владеть в совершенстве, и линейкой, и подсчетом, и всеми подробностями» [Там же, лл. 8—9]. В ряду особенностей назывались также и определенная внешняя и наиболее целесообразная форма работ, и «понятная система, и умение затратить минимум времени. Студенты были не слишком загружены, но в обязательном порядке с 1 курса приучены следить за периодической технической литературой и пользоваться ею как подсобным учебным материалом [Там же, лл. 9, 13].

Между тем проблема дефицита специалистов в советской промышленности становилась все более острой. Еще 23 июля 1931 года Орджоникидзе на Всесоюзном совещании втузов ВСНХ СССР должен был признать факт «колоссального недостатка» кадров, слабую подготовку выпускников втузов [РГАСПИ, ф. 85, оп. 28, д. 30, л. 1]. Он говорил о необходимости уже в текущем году подготовить большое количество инженерно-технических специалистов, причем подготовить так, «чтобы они знали, за что берутся, а не просто, чтобы они что-то где-то окончили» [Там же]. Одновременно Орджоникидзе призывал перенимать передовой технический и технологический опыт Америки [РГАСПИ, ф. 85, оп. 28, д. 11, лл. 2—4].

Документы свидетельствуют о том, что глава Народного комиссариата тяжелой промышленности (далее — НКТП) достаточно часто выступал с критикой втузов за слабую профессиональную подготовку выпускников, их неспособность к организаторской, управленческой деятельности, невысокую эрудицию: «... там, где нет культурного, знающего инженера, там нет организованного производства» [РГАСПИ, ф. 5, оп. 29, д. 71, лл. 5, 6]. Для сравнения: если в 1929 году в РСФСР инженерно-технические работники в промышленной сфере составляли 2,5 % от общего числа рабочих [ГАРФ, ф. 8060, оп. 3, д. 333, л. 4об], то в передовых странах в исследуемый период технический персонал в среднем составлял от 10 до 15 % численности рабочих [Бодрова и др., 2013].

Весьма красноречивым свидетельством все более осложняющегося положения инженерно-технических работников нефтяной отрасли СССР являются данные, которые содержатся в широком круге опубликованных и ранее неопубликованных материалов и документов. Так, весной 1932 года за «коварно» сорванные планы арестовали 144 «нефтяника-вредителя» [Евдошенко, 2010, с. 163]. Было репрессировано и направлено на стройки пятилеток и на производство значительное количество специалистов.

И не только в нефтяной промышленности. Так, например, согласно резолюции Орджоникидзе, 26 августа 1931 года ВСНХ СССР адресовал в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) Л. Г. Миронову письмо об использовании 94 арестованных специалистов в Ленинградской промышленности [РГАСПИ, ф. 85, оп. 28, д. 30, лл. 1—5]. Впрочем, курс правительства в этом отношении в разные годы менялся. Так, в Постановлении Уполномоченного Комиссии Партконтроля по Северо-Кавказскому краю М. И. Кахиани «Об извращении линии партии по отношению к специалистам в Грознефти» от 14 декабря 1934 года говорилось о том, что вместо осуществления решений партии и указаний товарища Сталина о специалистах, а также указания товарища Орджоникидзе о необходимости широкого использования «творческой инициативы инженерных сил» и сплочении специалистов вокруг партии, отдельные работники в Грозном «допускали грубые запугивания и угрозы»: инженеру Чижу секретарь парткома Беляев угрожал снятием с работы; председатель промыслового комитета Хайрудинов грозил инженеру Савченко отдать под суд, если не явится на заседание местной расчетно-конфликтной комиссии; инженеру Дудаладовой был объявлен выговор бригадным собранием рабочих буровой, а затем она была исключена из партии и привлечена к судебной ответственности. Ряд областных и районных работников в своих выступлениях проводили «недопустимую» линию противопоставления старых специалистов молодым. Одновременно, отмечалось в документе, Чечено-Ингушский обком партии при обсуждении фактов «извращенной» линии партии по отношению к специалистам не поднял их на принципиальную высоту, не дал должного отпора «антиспецовским» настроениям и не воспитывал на борьбе с ними парторганизацию и рабочих в духе «правильного понимания линии партии о специалистах» [РГАСПИ, ф. 85, оп. 29, д. 247, л. 8].

4. Результаты форсирования темпов нефтедобычи и причины невыполнения планов

Изученные документы позволяют утверждать, что при разработке планов на 2-ю пятилетку основной целью определялось «догнать и перегнать Америку» без расчета имеющихся ресурсов, доступных запасов нефти и возможности ее извлечения. Затем планы приходилось корректировать, сообразуясь с реальностью, в том числе из-за очевидного застоя в нефтедобыче, хронического дефицита всех видов нефтепродуктов.

«Контрольные цифры» развития топливной промышленности, составленные в 1933 году, темпы роста угольной промышленности намечались более высокие, чем нефтяной [Нефть СССР ..., 1987, с. 53—54]. В Гене-

ральном плане нефтяной промышленности учитывались и военные нужды, предусматривалось расширение географии строительства нефтеперерабатывающих заводов [Соколов, 2013, с. 151], введение в строй новых нефтепроводов. Однако задания по производству нефтепродуктов не были выполнены. Меньше, чем в 1-й пятилетке, было введено мощностей по нефтепереработке [РГАЭ, ф. 7966, оп. 1, д. 16., л. 1—1об]. Это стало причиной репрессий [Там же, д. 15, лл. 22—56].

В «Грознефти» систематическое падение добычи нефти началось еще с 1932 года. Среднесуточная добыча упала с 21,9 тыс. т в 1931 году до 10—11 тыс. в 1934 году [РГАСПИ, ф. 85, оп. 29, д. 613, л. 1]. В приказе НКТП от 16 сентября 1933 года о работе «Грознефти» были названы следующие причины: «Вместо решительной большевистской борьбы за дальнейшее развитие “Грознефти” распространялась антигосударственная “теория” затухания Грозненского района; форсировалась разработка 2-х основных месторождений — Старогрозненского и Октябрьского, к концу 1932 года разбуренных уже полностью»; «... непроведение усиленной разведки и подготовки новых районов и новых пластов в старых районах»; распыление средств, кадров, оборудования; недопустимо медленные темпы внедрения глубокого бурения [Там же].

Наркоматом было предложено «Грознефти» организовать и укрепить геологическую службу, сосредоточить силы и средства на освоении нового района — Малгобека — и Бенойского района. Разведочные работы должны были быть проведены также в Избербаше, Ачи-Су, Эльдарово [Там же, л. 2]. В Малгобек было переброшено, установлено в нем и запущено свыше 40 буровых станков, проведена линия электропередачи, построены узкоколейка, трубопровод Малгобек — Моздок. Однако проверка показала, что оказался невыполненным план в части «коренного улучшения геологического руководства и постановки геологоразведочного дела»; продолжало оставаться узким местом бурение. Фиксировались простои, «совершенно неудовлетворительным» оказалось количество вводимых в эксплуатацию скважин. Глубокому бурению сопутствовали обвалы, борьбой с которыми специалисты «Грознефти» еще не овладели [Там же, л. 3].

«Главнефтью» было издано распоряжение о необходимости сосредоточить все силы на 2—3 скважинах в решающих районах (Беной, Избербаш, Ачи-Су) с тем, чтобы испытать их в кратчайшие сроки. Для усиления геологического руководства Октябрьского района из центра была направлена бригада геологов. Для организации борьбы с обвалами в глубоком бурении привлекались специалисты по химическому креплению грунтов. Руководству треста предлагалось активизировать работы по исправлению и пуску

бездельствующих скважин, чистке скважин от песчаных пробок, бороться с простоями и авариями [Там же, лл. 3—4].

5 декабря 1933 года было принято Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) и о работе «Азнефти», в котором отмечалось, что ее руководством были использованы далеко не все ресурсы. Утверждалась программа нефтедобычи на 1934 год в 22 млн т (в том числе, 1 млн т газа), переработать следовало 13 млн т сырой нефти [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 935, лл. 32—35]. Менялся состав руководства и структура управления: в самостоятельные выделялись тресты нефтеперегонных заводов и дальних разведок. Выполнение плана 1934 года определялось как «важнейшая боевая задача» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 935, л. 35].

Руководство НКТП и отрасли в этот период придавало большое значение техническому перевооружению данной сферы. В конце 1934 года Г. К. Орджоникидзе готовил совещание и специальное Постановление ЦК ВКП(б) об обеспечении нефтяной промышленности новыми типами оборудования, запасными частями, транспортом, квалифицированной рабочей силой «для резкого поднятия скорости бурения», объясняя в письме В. М. Молотову, что «идут споры о методах турбобурения» с целью «решительно ликвидировать отставание бурения от американских показателей и темпов, которых нефтяная промышленность еще не достигла, несмотря на ее успехи ...» [РГАСПИ, ф. 85, оп. 29, д. 612, л. 2]. Им предлагалось выделить в трестах «Азнефтт», «Грознефть» и «Майкопнефть» группу буровых, укомплектовать в 1934—1935 годах «наилучшим и наиболее передовым оборудованием», снабдить в первую очередь запасными частями, транспортом и наиболее квалифицированной рабочей силой. Заводам, производящим оборудование для нефтяной промышленности, следовало, по его мнению, «перейти немедленно на производство наиболее совершенных типов нефтяного оборудования». Кроме того, следовало в кратчайшие сроки завершить строительство и реконструкцию в 1935 году заводов в Грозном, Тифлисе, Баку, Москве, Ленинграде, на Урале [Там же, лл. 2—4].

Констатируя серьезные проблемы в кадровой подготовке, в борьбе с потерями рабочего времени и аварийностью, Орджоникидзе приводел данные о явно неудовлетворительном состоянии дел: простои в бурении в «Азнефти» достигали 30 % времени, в «Грознефти» — 28 %. На ликвидацию аварий в «Азнефти» тратилось 12—15 % времени, в «Грознефти» — 6—10 %. В качестве мер по снижению простоев и аварийности предлагалось применить все современные технические достижения, повышать квалификацию работников бурения, буровых мастеров и бурильщи-ков [Там же, л. 5].

В проекте приказа по НКТП было названо основное условие приближения работы нефтяной промышленности к американским показателям: «Подведение под нефтяную промышленность новой технической базы путем максимального использования производственно-технической мощности существующих машиностроительных заводов и постройки новых» [Там же, л. 16].

Подобные материалы не раз становились предметом обсуждения на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б). Так, в резолюции Пленума ЦК ВКП(б) 21—25 декабря 1935 года по докладам Г. К. Орджоникидзе, И. Е. Любимова, А. И. Микояна, С. С. Лобова, Л. М. Кагановича было принято решение о скорейшей технической перестройке промышленности, включая нефтяную отрасль [Резолюции пленума ..., 1936].

Г. Г. Чахмахчев (в 1933 году — управляющий делами треста «Азнефть», а затем, с 1934 года, — начальник отдела «Гавнефти», «Главнефтедобычи», Наркомнефти) в своих мемуарах писал о том, что начальник «Главнефти» М. В. Баринов стал инициатором внедрения новой техники бурения, добычи и переработки нефти. В августе 1936 года был принят план мероприятий, направленных на техническое перевооружение нефтяной промышленности, осуществлялись кадровые перестановки, реорганизовывалась структура «Главнефти». Но в сентябре 1937 года по приказу нового наркома Л. М. Кагановича Баринов был арестован. Только в доме нефтяников было репрессировано более 50 человек [Чахмахчев].

Статистические данные и документы свидетельствуют о том, что руководство страны осознавало значение отрасли. В 1938 году ассигновывалось 36,9 млн руб. на приведение в порядок промыслового хозяйства [ГАРФ, ф. 5446, оп. 1, д. 144, лл. 40—41]. Однако и в 1939 году нефтедобыча возросла лишь на 73 тыс. т [Народное хозяйство ..., 1959, с. 208]. Согласно секретному Постановлению Совета народных комиссаров (СНК) СССР № 142 от 29 января 1940 года «Об итогах выполнения государственного плана развития народного хозяйства за 1939 год», валовая продукция промышленности по ряду наркоматов общесоюзного, союзно-республиканского и республиканского значения выросла на 14,7 %, но по нефтяной промышленности план был выполнен лишь на 94,3 % [ГАРФ, ф. 5446, оп. 1, д. 162, л. 176]. Значительным оказалось невыполнение плана капитального строительства Наркоматом нефтяной промышленности — 74 % [Там же, д. 144, л. 180б].

Лишь два района — Бакинский и Грозненский — к 1937 году поставляли почти всю нефть СССР. В 1940 году на Урало-Поволжский регион приходилось всего 6 % от общесоюзной добычи нефти [Иголкин, 2005б,

с. 105—191; Иголкин, 2007, с. 119—120]. Американским исследователем Р. Кэмпбеллом удивительно медленное освоение Волго-Уральского нефтяного района было названо величайшей загадкой [Campbell, 1968, pp. 126—128], как, впрочем, и игнорирование властью рекомендаций ученых, настаивающих на необходимости освоения новых нефтеносных районов.

Об опасности концентрации нефтедобычи и нефтепереработки в южных районах СССР много ранее писал И. М. Губкин. За месяц до своей смерти, 10 марта 1939 года, академик в качестве начальника Главгеологии в справке о важнейших открытиях в результате геологоразведочных работ в СССР за период 1936—1938 годов писал заместителю председателя СНК СССР Л. М. Кагановичу о «наиболее важном <...> достижении последних трех лет» — «полном разоблачении ряда лженаучных теорий <...>, извращавших характер рудоносности Урала и Кавказа, отрицавших промышленную нефтеносность Урало-Волжской области и т. д.» [АРАН, ф. 455, оп. 5, д. 62, лл. 1, 2]. Одновременно И. М. Губкин обращал внимание на открытие с помощью геофизических методов, разработанных в СССР с применением изготовленной в нашей стране сложной и точной аппаратуры, 41 нового нефтяного месторождения. Доказанное широкое распространение нефтеносных горизонтов, благоприятные геологические условия обеспечивали превращение области, заключенной между Волгой и Уралом, во «Второе Баку» [Там же, лл. 2—4]. В 1939 году 19 геологических партий там открыли 12 месторождений.

5. Заключение

Таким образом, изученные документы позволяют с большей точностью и объективностью оценить итоги восстановления и реконструкции нефтяной промышленности в 1920-е годы, выявить факторы невыполнения планов отраслью в ходе форсированной индустриализации. В их ряду прежде всего необеспеченность финансовыми, материальными, кадровыми, технологическими, ресурсами, отставание в проведении геологоразведочных работ. Изученные архивные документы свидетельствуют о нехватке современного и качественного оборудования. Строительство ряда планируемых нефтепроводов так и не было начато. Причинами отставания отрасли стали стратегические просчеты и ликвидация целой когорты блестящих нефтяников. Недопустимо медленно шло освоение Урало-Поволжского нефтяного района. Приоритетным направлением оставалась угледобыча. Несмотря на рекомендации виднейших ученых-нефтяников, разработанные ими планы мероприятий, требующие скорейшей реализации, только в конце 1930-х годов отношение к этому нефтеносному ре-

гиону изменилось. К 1941 году создать вторую нефтяную базу страны не удалось, но был заложен фундамент «Второго Баку».

Источники и принятые сокращения

1. АРАН — *Архив* Российской академии наук. Ф. 455 (Губкин Иван Михайлович (1871—1939)). Оп. 5. Д. 62.
2. ГАРФ — *Государственный архив* РФ. Ф. 5446 (Совет министров СССР). Оп. 1. Д. 144, 162 ; Ф. 8060 (Всесоюзный комитет по высшему образованию (ВКВТО) при Центральном исполнительном комитете СССР). Оп. 3. Д. 333.
3. *Народное хозяйство СССР* в 1958 г. — Москва : Госстатиздат, 1959. — 959 с.
4. РГАСПИ — *Российский государственный архив социально-политической истории*. Ф. 17 (Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС)). Оп. 3. Д. 935 ; Ф. 82 (Молотов Вячеслав Михайлович (1890—1986)). Оп. 2. Д. 565 ; Ф. 85 (Орджоникидзе Георгий Константинович (1886—1937)). Оп. 28. Д. 11, 30 ; Оп. 29. Д. 71, 247, 610, 612, 613, 647.
5. РГАЭ — *Российский государственный архив экономики*. Ф. 7966 (Главное управление нефтедобывающей промышленности Востока Народного комиссариата нефтяной промышленности СССР. 1939—1940 гг.). Оп. 1. Д. 16.
6. *Резолюции пленума ЦК ВКП(б)*. 21—25 декабря 1935 г. — Москва : Партиздат, 1936. — 45 с.
7. *Чахмачев Г. Г.* Баринов Михаил Васильевич (ректор АЗИ с 1928) [Электронный ресурс] / Г. Г. Чахмачев. — Режим доступа : <http://oil-industry.net/>.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодрова Е. В.* Государственная научно-техническая политика в модернизационной стратегии России : монография / Е. В. Бодрова, М. Н. Гусарова, В. В. Калинов, К. В. Калинова, С. В. Сергеев. — Москва : Московский гуманитарный университет, 2013. — 637 с.
2. *Евдошенко Ю. В.* Неизвестное «Нефтяное Хозяйство» 1920—1941 гг. / Ю. В. Евдошенко. — Москва : Нефтяное Хозяйство, 2010. — 344 с.
3. *Иголкин А. А.* Нефтяная политика СССР в 1928—1940-м годах / А. А. Иголкин. — Москва : РАН, 2005а. — 262 с.
4. *Иголкин А. А.* Особенность развития нефтяной промышленности СССР в годы первых пятилеток (1928—1940 гг.) / А. А. Иголкин // Нефть страны Советов. Проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917—1991) / под общей редакцией действительного члена РАЕН, д.э.н. В. Ю. Алекперова. — Москва : Древнехранилище, 2005б. — С. 105—191.
5. *Иголкин А. А.* Новая «столица» советской нефтедобычи / А. А. Иголкин // Нефть России. — 2007. — № 7. — С. 119—120.
6. *Калинов В. В.* Достижения и просчеты государственной научно-технической политики СССР в послевоенный период / В. В. Калинов. — Российский технологический журнал. — 2018. — № 6 (1). — С. 73—87.
7. *Курятников В. Н.* Становление нефтяного комплекса в Уральском и Поволжском регионах : (30—50-е гг. XX века) / В. Н. Курятников. — Самара : Самарский государственный технический университет, 2008. — Ч. 1, 2. — 364 с.

8. *Нефть СССР (1917—1987 гг.)* / Ю. Г. Апанович, Н. М. Банков, М. А. Берлин и др. ; под редакцией В. А. Динкова. — Москва : Недра, 1987. — 383 с.

9. *Соколов А. К.* Советское нефтяное хозяйство. 1921—1945 гг. / А. К. Соколов. — Москва : РАН, 2013. — 280 с.

10. *Campbell K. W.* The Economics of Soviet Oil and Gas / K. W. Campbell. — Baltimore (Maryland) : Published for Resources for the Future by the Johns Hopkins Press, 1968. — Pp. 126—128.

OIL INDUSTRY OF USSR IN LATE 1920s — 1930s: CONFLICTING DEVELOPMENT RESULTS

© **Elena V. Bodrova (2020)**, orcid.org/0000-0001-7889-3054, Doctor of History, professor, Head of the Department of History, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “MIREA-Russian Technological University” (Moscow, Russia), evbodrova@mail.ru.

© **Vyacheslav V. Kalinov**, orcid.org/0000-0002-9709-7720, Doctor of History, associate professor, Head of the Department of History, National University of Oil and Gas «Gubkin University» (Moscow, Russia), kafedra-i@yandex.ru.

The relevance of the study is due to the critical importance for the country of technological breakthrough, overcoming the inhibition of modernization processes. The novelty of the study is in the fact that on the basis of published and declassified archival documents, the problem of implementing the development plans for the oil industry in the years of the first five-year plans is investigated, factors that determine their failure are identified. As the main reasons, based on the results of the analysis of documentary data, serious strategic miscalculations in planning, the elimination of a whole cohort of brilliant oil workers were identified. The studied documents and materials made it possible to formulate the conclusion that large-scale plans were not fully supported by financial, human, technological resources. It is proved that this caused a disproportion between the growth of the national economy and the country's fuel balance. Particular attention is paid to the serious miscalculations of the Soviet government regarding the creation of an oil base in the east of the country. It is proved that, despite the recommendations of prominent scientists, only in the late 1930s the course changed, the realization of the need to search and develop new deposits in the Ural-Volga region came. It is concluded that as a result, by 1941, this oil-bearing region was not sufficiently mastered, but the foundation of “Second Baku” was laid.

Key words: five-year plans; forced industrialization; plan; oil industry; Second Baku.

MATERIAL RESOURCES

ARAN — *Arkhiv Rossiyskoy akademii nauk. F. 455 (Gubkin Ivan Mikhaylovich (1871—1939). Op. 5. D. 62.* (In Russ.).

GARF — *Gosudarstvennyy arkhiv RF. F. 5446 (Sovet ministrov SSSR). Op. 1. D. 144, 162; F. 8060 (Vsesoyuznyy komitet po vysshemu obrazovaniyu (VKVTO) pri Tsentralnom ispolnitelnom komitete SSSR). Op. 3. D. 333* (In Russ.).

Chakhmachev, G. G. *Barinov Mikhail Vasilevich (rektor AZI c 1928)*. Available at: <http://oil-industry.net/>. (In Russ.).

- Narodnoye khozyaystvo SSSR v 1958 g.* (1959). Moskva: Gosstatizdat. (In Russ.).
- Rezolyutsii plenuma TsK VKP(b). 21—25 dekabrya 1935 g.* (1936). Moskva: Partizdat. (In Russ.).
- RGAE — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki. F. 7966 (Glavnoye upravleniye nefte-dobyvayushchey promyshlennosti Vostoka Narodnogo komissariata nefyanoy promyshlennosti SSSR. 1939—1940 gg.). Op. 1. D. 16.* (In Russ.).
- RGASPI — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii. F. 17 (Tsentralnyy Komitet KPSS (TsK KPSS). Op. 3. D. 935; F. 82 (Molotov Vyacheslav Mikhailovich (1890—1986). Op. 2. D. 565; F. 85 (Ordzhonikidze Georgiy Konstantinovich (1886—1937). Op. 28. D. 11, 30; Op. 29. D. 71, 247, 610, 612, 613, 647.* (In Russ.).

REFERENCES

- Apanovich, Yu. G., Bankov, N. M., Berlin, M. A. (1987). *Neft' SSSR (1917—1987 gg.)*. Moskva: Nedra. (In Russ.).
- Bodrova, E. V., Gusarova, M. N., Kalinov, V. V., Kalinova, K. V., Sergeev, S. V. (2013). *Gosudarstvennaya nauchno-tehnicheskaya politika v modernizatsionnoy strategii Rossii*. Moskva: Moskovskiy gumanitarnyy universitet. (In Russ.).
- Campbell, K. W. (1968). *The Economics of Soviet Oil and Gas*. Baltimore (Maryland): Published for Resources for the Future by the Johns Hopkins Press. 126—128.
- Evdoshenko, Yu. V. (2010). *Neizvestnoye «Nefyanoye Khozyaystvo» 1920—1941 gg.* Moskva: Nefyanoye Khozyaystvo. (In Russ.).
- Igolkin, A. A. (2005). *Nefyanaya politika SSSR v 1928—1940-m godakh*. Moskva: RAN. (In Russ.).
- Igolkin, A. A. (2005). *Osobennost' razvitiya nefyanoy promyshlennosti SSSR v gody pervykh pyatiletok (1928—1940 gg.)*. In: *Neft' strany Sovetov. Problemy istorii nefyanoy promyshlennosti SSSR (1917—1991)*. Moskva: Drevnekhranilishche. 105—191. (In Russ.).
- Igolkin, A. A. (2007). *Novaya «stolitsa» sovetskoy neftedobychi. Neft' Rossii, 7: 119—120.* (In Russ.).
- Kalinov, V. V. (2018). *Dostizheniya i proschety gosudarstvennoy nauchno-tehnicheskoy politiki SSSR v poslevoenny period. Rossiyskiy tekhnologicheskyy zhurnal, 6 (1): 73—87.* (In Russ.).
- Kuryatnikov, V. N. (2008). *Stanovleniye nefyanogo kompleksa v Uralskom i Povolzhskom regionakh: (30—50-e gg. XX veka), 1, 2*. Samara: Samarskiy gosudarstvennyy tekhnicheskyy universitet. (In Russ.).
- Sokolov, A. K. (2013). *Sovetskoye nefyanoye khozyaystvo. 1921—1945 gg.* Moskva: RAN. (In Russ.).